

«СКИФЫ»

Сергей Мстиславский, Иванов-Разумник

СКИФЫ (Вместо предисловия)

I.

“Скиф”.

Есть в слове этом, в самом звуке его — свист стрелы, опьяненной полетом; полетом — размеренным упругостью согнутого дерзающей рукой, надежного, тяжелого, лука. Ибо сущность скифа — его лук: сочетание силы глаза и руки, безгранично вдаль мечущей удары силы.

Люди чернозема, золотого, с небес упавшего, плуга и вольной степи, где на яром конском скаку — даже застоявшийся пряный воздух — вихрем овеивает склоненное к огненной гриве лицо. Племя — таинственного, легендой повитого корня, с запада на восток, потоком упорным, победным потоком брошенное в просторы желтолицых, узкоглазых, глотающих вино из черепов — варварских орд.

И от этой воли и пронизающей все существо близости к земле, — покоренной плугом — и обороняющей еще свою свободу — острыми гребнями хребтов и чащей зарослей и дремучего бора — чувством жизни, неиссякающим, бодрым, поднимающим на делание, полнится и ширится грудь; от него и яркость порыва, и дерзновение тугого, звенящего лука. Нет цели, против которой побоялся бы напрячь лук, он, скиф! Нет предрассудка, который ослабил бы руку, когда она накладывает тетиву; нет Бога, который нашептал бы сомнения, там, где ясен и звучен призыв жизни. Бог скифа — неразлучен с ним, на его поясе — кованный бог. Он вонзает его в курган, вверх рукоятью, и молится — молится тому, чем свершил, и чем свершит... Но, в разрушении и творчестве — он не ищет другого творца, кроме собственной руки — руки человека, вольного и дерзающего.

Вольного и дерзающего. Ибо нет, в каноне его жизни, ни скопческих запретов клириков единоспасающей Правды-Истины, ни втройне лицемерных запретов политиков Правды-Справедливости. Ничего — кроме Жизни, кроме Правды Красоты, изначальной, истинной, и Справедливости и Истину определяющей Правды.

Живет эта Правда в скифе. И даже в чужой одежде, в обычае чуждом, пленом или исканием увлеченный далеко от родного простора, где-нибудь в толпе раззолоченной челяди Византийца, под чеканным панцирем чужого, вражьего строя, — тем же скифом остается он — и по-прежнему, сквозь отклоняющую его от жизни мещанскую крикливую толпу видит он свою Правду. Это знает, это чувствует толпа: и сторонится. Завистливо смотрят на него евнухи, гневно — изможденные монахи, для которых кошунством звучат перезвоны скифских кубков в часы решений, мудрости которых надо вымаливать (так думают бледные иноки), вымаливать на коленях. И подозрением всегдашним, недреманным наблюдением окружают их, замешанных в толпе, блюдущие государственность люди “Справедливости”: “разве скиф — не всегда готов на мятеж?”

* * *

Скифами при дворе Византийца чувствовали себя мы — тесный кружок родных по духу людей — в годы войны, выжегшей огнем испытания даже те малые и слабые ростки Нового, Живого, на чем отдыхал глаз в довоенные годы. И тогда угрюмо смотрели на нас ближние и дальние. И тогда гневно обличали нас изможденные монахи